

ограничивается замечанием о борьбе двух политических и культурных течений: мелких княжеств, на которые распался Египет в эту пору, возглавляемых династиями (большей частью ливийского происхождения), и фиванского жречества, установившего на юге страны теократию. С последней полностью отождествляется Напатское царство. Значение теократического строя, особенно для Нубии, сильно преувеличивается. В действительности, Напатское государство в начале своего существования, черпая внешние черты, свойственные египетской деспотии, представляло собой, видимо, союз отдельных племен с сильными пережитками родового строя, в котором вожди, возглавляющие этот союз, и особенно жречество играли огромную политическую роль. Материальная культура уделена неполная страница, причем Цейссль с умлением описывает только дворцы, одеяния и «приятную» жизнь знати, богатства храмов. О народе и его быте, как и вообще во всей работе, здесь не сказано ни слова. Игнорирование народных масс—черта, присущая буржуазной историографии,— в полной мере свойственна и фон Цейсслю.

В заключительной главе—«Египет под чужим господством» на основании работ Биссинга, Фогта, Эренберга и Шубарта проводится параллель между властью эфиопов, ассирийцев, персов, греков и римлян и отношением к ним египтян. Здесь правильно ставится вопрос о том, что туземное население по-разному реагировало на попытки подчинения их родины каждым из указанных народов. Однако кроме культурной близости эфиопов к египтянам, их благожелания и заботы о предотвращении угрозы со стороны Ассирии, Цейссль никаких иных причин, которые бы объяснили, почему в народной памяти сохранились столь добрые воспоминания о времени правления XXV династии, не приводит. Автор не понял, что население видело в правителях этой династии не только защитников от внешней угрозы, но и в значительной степени покровителей интересов народных масс, так как в этот период приостанавливается процесс расслоения сельской общины: законы, данные Бокхорисом, остаются, вероятно, еще незабытыми.

Отдельные наблюдения автора или приводимые им взгляды других ученых заслуживают внимания, как, например, истолкование событий, связанных с бегством Ямани, царя Асдода, и находкой в Ниневии печати Шабакки, объяснение родственных связей Шабатаки с Пианхи, на дочери которого, Пианхирити, он женился, или изложение политики князя Фив Монтумехата. Цейссль полностью принимает предложение академиком В. В. Струве сопоставление египетского начертания имени фараона Танутамона с клинописным его написанием Таштамани. Удовлетворительного разрешения этой задачи не смогли предложить ни Г. Штейндорф, ни Ранке, ни Эд. Мейер, ни другие крупнейшие западноевропейские ученые, специально ею занимавшиеся.

Таким образом, при некоторых достоинствах, из которых основные—полнота собранных фактических данных и уточнение некоторых частных вопросов, настоящая монография производит впечатление компилятивного нагромождения материала, расположенного в известном систематическом порядке. В его дебрях порой даже теряется история взаимоотношений эфиопов, ассирийцев и египтян, которой преимущественно посвящена работа. Она оставляет в стороне или очень поверхностно рассматривает другие проблемы, связанные с изучением этой эпохи, столь сложной и противоречивой. По существу Цейссль останавливается там, где должен начаться труд подлинного историка, который видит конечную цель не в одном лишь изложении некоторых событий и накоплении фактов, но в их истолковании и объяснении.

И. С. Кацнельсон

HÜSEYİN NAMİK ORKUN, Eski türk yazitlari, Istanbul, I—1936; II—1939; III—1940; IV—1941.

На первый том этих «Древних тюркских надписей» мной уже была дана библиографическая заметка в Сборнике «Язык и мышление» (1940, № 9, стр. 186). Теперь все это издание завершилось в 1941 г. четвертым томом—словарем ко всем тюркским

руническим («орхоно-енисейским») памятникам, которые изданы, переведены и комментированы (с языковой стороны) в первых трех томах Х. Н. Оркуна.

Содержание этих изданных Х. Н. Оркуном томов имеет весьма близкое отношение к нам, советским тюркологам. Ведь большинство памятников, описанных, например, в третьем томе, находится в нашем Союзе (бассейны рек Енисея и Таласа, в музеях и проч.), это же можно частично сказать и о втором томе. А главное, что здесь я хочу отметить: большинство этих памятников древней тюркской рунической письменности впервые было издано и переведено нашим академиком В. В. Радловым. И как бы эти переводы акад. В. В. Радлова, например, енисейских памятников, сделанные в 1895 г., ни были несовершенными, нужно при этом помнить, что все они сделаны были еще тогда, когда в распоряжении тюркологов не было грамматического сочинения (в трех томах) Махмуда Кашгарского (изд. в 1915—1917 гг.) с его большим лексическим запасом и не было лексикона из уйгурского переводного сочинения (X в.) «Золотой блеск», найденного в Центральном Китае в 1910 г.

Переводы акад. В. В. Радлова, и только они, с частичными замечаниями проф. В. Томсена, сделали то, что теперь могли появиться и вторичные, уже исправленные и улучшенные переводы, например, труднейших енисейских памятников рунического письма тюрков. Х. Н. Оркун в своем сочинении дает эти каменописьные памятники из издания нашей Академии—«Атласа Древностей Монголии» и других сочинений акад. В. В. Радлова. Х. Н. Оркун перепечатывает, конечно, с указанием источников, камни-памятники и снимки с рукописей и их фрагментов из статей проф. В. Томсена, проф. Г. Рамстедта, А. Леккока, проф. П. М. Мелиоранского, проф. В. Л. Котвича и др. Включены Х. Н. Оркуном в свое издание и опубликованные мной памятники (их изображение и текст) из музея г. Минусинска, из бассейна р. Талас (надписи на камнях и на деревянной палочке) и памятник из Монголии, т. е. надпись на «каменной бабе».

В сочинении Х. Н. Оркуна даются многочисленные снимки с памятников-камней и с рукописных. Дается текст тюркскими рунами и в латинской транскрипции и затем турецкий перевод.

Изданы книги в удобном обычном формате—8°.

Мне показалось странным, что Х. Н. Оркун (т. I, стр. 160; т. III, стр. 203), используя, например, очень малый изданный мной памятник из Кой-сары или из Кулансай, совершенно не упоминает изданного акад. В. В. Радловым бумажного отрывка см. ИАН, 1910, стр. 1025—1029) со снимком. К сожалению, Х. Н. Оркун не использовал и издания проф. С. В. Киселевым новых поступлений памятников Минусинского музея (см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 124—134; ср. там же, 1940, № 3—4). Незначительный вариант дешифровки нескольких рунических букв из уйгурской рукописи (II, стр. 184) дает А. Н. Бернштам в «Записках Института Востоковедения АН СССР», 1939, VII, стр. 304—305. Х. Н. Оркун, естественно, пользуется раньше вышедшей статьей М. Räsänen'a в «Studia Orientalia», VI.

В одной из своих статей по рунике я упоминал о своеобразной подделке рунической надписи в Минусинской степи (см. «Новые памятники с турецкими рунами» в «Языке и мышлении», 1936, VI—VII, стр. 275). В данном случае мне тоже хочется отметить второй подобный факт; я слышал (по моей записи 7 апреля 1937 г.), что руническая надпись из Монголии (см. ИАН, 1934, стр. 631—634; ср. еще «Изв. ЦИК от 15 марта 1934 г.» «Надпись эпохи Тоньюкука») представляет собой подделку, ученую мистификацию. Проверку этого слуха мне сделать удалось теперь, в 1947 г.,—это действительно так: ученая мистификация.

В области изучения тюркских рун на ближайшей очереди теперь стоит издание новых поступлений Минусинского музея (см. публикацию С. В. Киселева) и некоторых надписей из раскопок на Алтае (см. «Советская Археология», 1936, № 1, стр. 282—284 и «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 162 и др.). Без этого издание Оркуна не может быть признано полным.

С. Е. Малов